

Решняк М.Г.

К ВОПРОСУ О ЕДИНОМ ПОДХОДЕ К ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫЕ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ГРУППАМИ

Решняк Мария Генриховна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Международно-правового факультета МГИМО (У) МИД России. Эл. почта: irbis-7375@yandex.ru

Аннотация. В статье через призму действующего антикоррупционного законодательства рассматривается актуальная проблема установления и реализации уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности, совершаемые организованной группой. Обращаясь к уголовному и иному законодательству, трудам известных учёных, автор акцентирует внимание на отсутствие единого подхода к регламентации уголовной ответственности за организованные формы осуществления коррупционных преступлений, формулирует выводы и предложения по совершенствованию уголовного законодательства в данной области и практики его применения.

Ключевые слова: коррупция, преступления коррупционной направленности, противодействие коррупции, организованная преступность, организованная группа.

Ссылка на цитирование. Решняк М.Г. К вопросу о едином подходе к дифференциации уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности, совершаемые организованными группами // Представительная власть – XXI век. 2023. – № 1-2. С. 26–30

DOI: [10.54449/20739532_2023_1-2_26](https://doi.org/10.54449/20739532_2023_1-2_26)

Коррупция является многовековым «спутником» человеческого общества и эволюционирует вместе с ним. Её «неубиваемое» существование обусловлено комплексом разнообразных причин, в том числе, социального, экономического, политического, правового характера. Осознание факта, что коррупция является угрозой национальной безопасности государства, придало новый импульс непрерывному процессу научных изысканий данного явления и поиску потенциальных возможностей противодействия коррупционной преступности. Многочисленные труды учёных, разносторонне исследующих коррупцию [1-10], позволяют прийти к выводу о том, что при наличии определённой политической воли и системного подхода в решении проблемы повышения эффективности противодействия коррупции, создании соответствующих правовых, социально-экономических условий и принятии соответствующих организационно-управленческих мер, уровень коррупции можно значительно снизить, что, безусловно, положительно скажется как на экономическом

состоянии государства, так и на его безопасности в целом.

Обеспечение национальной безопасности России в настоящее время, когда продолжается проведение специальной военной операции на Украине, начатой по решению Президента РФ1 (далее – СВО), является приоритетной задачей. Необходимо учитывать, что, направляя масштабную военную помощь Украине, США и страны Европы, несмотря на заявление Столтенберга об истощении военных запасов НАТО2, решают определённые экономические задачи, обеспечивая перевооружение своих стран новейшим оружием. Не следует забывать и еще об одном аспекте. Как показала история, в период и Первой, и Второй мировых войн, благодаря военным поставкам воюю-

¹ Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 22 февраля 2022 г. № 35-СФ «Об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации».

² Столтенберг заявил об истощении военных запасов НАТО из-за Украины // Интернет-ресурс: URL: <https://vz.ru/news/2023/1/10/1194339.html> (дата обращения: 11.01.2023)

щим странам, обогатились именно США. Исходя из данного факта, можно высказать предположение, что США, желающее стать мировым гегемоном, по сути «управляющие» в настоящее время европейской политикой в отношении Российской Федерации, заинтересованы в продолжении военного противостояния Украины и России, которое позволяет им под видом военно-технической помощи поставлять вооруженным силам Украины свою морально устаревшую технику и увеличивать расходы на свое вооружение³, предпримут все возможные действия, направленные на подрыв любых мирных инициатив, а также продолжат свою антироссийскую санкционную политику.

В этих условиях особое значение приобретает коррупционная безопасность российской экономики, которая находится в режиме антироссийских санкций почти десять лет. В сегодняшних реалиях постоянно нарастающего беспрецедентного внешнего санкционного давления на Российскую Федерацию, в особенности – на её экономику, актуальность и значимость решения указанной в Стратегии национальной безопасности РФ⁴ (далее – Стратегия) задачи об усилении борьбы с коррупцией, искоренение которой отнесено к основным национальным интересам⁵, неуклонно возрастает. И выход России из европейской конвенции об уголовной ответственности за коррупцию не вступает в противоречие со стратегическими приоритетами, определёнными указанной Стратегией.

Присутствуя практически во всех сферах государственной и общественной жизни, коррупция непосредственно или опосредованно препятствует реализации государственных планов по противостоянию санкциям других стран, поддержке национальной экономики, выполнению социальных и других обязательств, что ещё более усложняется в связи с необходимостью принятия дополнительных мер по укреплению

оборонеспособности России, её внешней и внутренней безопасности [11, с. 56-57; 12, с. 78-79; 13, с.51].

Коррупция и её уголовно наказуемые проявления – преступления коррупционной направленности – неразрывно связаны с организованным криминалитетом. Коррупционная и организованная преступность взаимно детерминируют друг друга, а также обеспечивают непрерывные взаимопроникновение и совместный генезис соответствующих видов преступной деятельности, следующей в ногу со временем и, как правило, опережающей развитие мер противодействия ей. К сожалению, не являются исключением в «отставании» мер противодействия уголовно-правовые меры, в частности, касающиеся регламентации ответственности за преступления коррупционной направленности, совершаемые организованными группами.

Предваряя анализ обозначенной частной проблемы, отметим, что она вытекает из проблемы более общего порядка, состоящей в отсутствии необходимых правовой определённости и системности положений уголовного законодательства об ответственности за преступления коррупционной направленности. В первую очередь обратим внимание на то, что в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) и в Федеральном законе «О противодействии коррупции»⁷ не раскрыты содержание и объём такого ключевого понятия, как преступления коррупционной направленности. Данный Федеральный закон лишь задаёт определённые ориентиры, в общих чертах раскрывая более широкое явление – коррупцию, основу которой, как следует из подп. «а» п. 1 ст. 1 этого нормативного правового акта, составляют злоупотребление служебными полномочиями или положением, дача и/или получение взятки, коммерческий подкуп, а равно иное незаконное использование физическим лицом имеющегося у него должностного положения вопреки законным интересам общества и государства с целью получения имущественной выгоды либо незаконное предоставление данной выгоды этому лицу другими физическими лицами.

Безусловно, большинство деяний, подпадающих под это понятие, имеет уголовно наказуемый характер, вместе с тем более полный

³ На пополнение запасов вооружения США выделяют \$ 9,05 млрд / Что известно о проекте бюджета США на 2023 финансовый год // Интернет-ресурс URL: <https://tass.ru/ekonomika/16641221> (дата обращения: 12.01.2023)

⁴ Стратегия национальной безопасности (утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400) // СЗ РФ. 2000, – № 27 (ч. II), ст. 5351.

⁵ Стратегия национальной безопасности (утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400) // СЗ РФ. 2000, – № 27 (ч. II), ст. 5351.

⁶ Законопроект № 272467-8 «О денонсации Российской Федерацией Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» // Интернет-ресурс URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/272467-8> (дата обращения: 11.01.2023).

⁷ Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 29.12.2022) // СПС Гарант (дата обращения: 11.01.2023).

и конкретизированный перечень преступлений коррупционной направленности в законе не закреплён, в связи с чем он формируется на ведомственном и межведомственном уровнях. Так, в настоящее время действует совместное указание Генпрокуратуры России и МВД России 2022 года (далее – Указание), устанавливающее перечень статей УК РФ, учитываемых при формировании статистической отчётности⁸, в котором преступлениям коррупционной направленности посвящён Перечень № 23, где приводятся обязательные признаки, а также группы и виды таких преступлений. По нашему мнению, положения, исчерпывающим образом раскрывающие содержание и объём преступлений коррупционной направленности, должны быть закреплены в Федеральном законе «О противодействии коррупции», что создаст необходимую бланкетную основу для систематизации и, как следствие, повышения эффективности уголовного и иного законодательства в части противодействия коррупции, в том числе для формирования единого подхода к дифференциации уголовной ответственности за указанные преступления, совершаемые организованными группами. Также считаем, что законодательной регламентации содержания и объёма понятия преступлений коррупционной направленности должна предшествовать научная проработка признаков и видов таких деяний, в том числе учитывающая сложившуюся практику и межведомственные документы по формированию статистической отчётности в данной области, что составляет предмет самостоятельного исследования.

Обращаясь к законодательной регламентации уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности, совершаемые организованными группами, необходимо отметить отсутствие единого подхода к закреплению данного квалифицирующего признака в соответствующих статьях Особенной части УК РФ. Например, в статьях гл. 21 УК РФ о мошенничестве, присвоении и растрате, при осуществлении которых лица могут использовать своё служебное положение, совершение преступления организованной группой выделено в особо квалифицирующий признак, существенно повы-

шающий строгость уголовной ответственности за содеянное [14, с. 52-58]. Причём уголовная ответственность за данные деяния дифференцирована в зависимости от того, совершены ли они группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой, что, на наш взгляд, является обоснованным законодательным подходом, который целесообразно распространить на все уголовно-правовые нормы о преступлениях коррупционной направленности.

Между тем, в настоящее время необходимое единство в этом вопросе отсутствует. Первым примером отступления от указанного подхода является закрепление в статье Особенной части УК РФ об ответственности за преступление коррупционной направленности квалифицирующего признака в виде совершения деяния группой лиц по предварительному сговору при – обращаем внимание – отсутствии дальнейшей дифференциации уголовной ответственности за осуществление тех же действий организованной группой. Данная особенность присуща, например, статьям 200.4 и 200.5 УК РФ о злоупотреблении в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд и о подкупе работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок, статьям 285.1 и 285.2 УК РФ о нецелевом расходовании бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов.

В перечисленных случаях правоприменитель при юридической оценке преступления, фактически совершённого организованной группой, вынужден прибегать к условно допустимой аналогии уголовного закона и квалифицировать содеянное как совершенное группой лиц по предварительному сговору, исходя из того, что в организованной группе присутствуют все признаки последней, включая наличие сговора. Вместе с тем в указанном случае не только не учитываются различия в уровне общественной опасности преступлений, совершаемых в данных формах соучастия, но ещё и устоявшееся на практике понимание организованной группы, согласно которому все участники последней, вне зависимости от фактически выполняемой роли, рассматриваются как соисполнители совместно совершённого преступления. В связи с этим могут возникать сложности при вынужденной квалификации преступле-

⁸ Указание Генпрокуратуры России № 361/11, МВД России № 1 от 30 июня 2022 года «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчётности» // СПС Гарант (дата обращения: 11.01.2023)

ния как совершённого группой лиц по предварительному сговору, когда объективную сторону выполнял только один из соучастников, фактически действовавший совместно в рамках другой формы соучастия – организованной группы. Одновременно создаются предпосылки для искажения статистической отчётности относительно числа и динамики соответствующих преступлений, совершаемых именно группами лиц по предварительному сговору либо организованными группами.

Второй пример отступления от указанного подхода к закреплению и дифференциации уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности, совершаемые организованными группами, присутствует в случаях, когда в статье Особенной части УК РФ в одном квалифицирующем (особо квалифицирующем) признаке объединено альтернативное совершение деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. В частности, именно такая регламентация встречается в ст. 200.7 УК РФ о подкупе арбитра (третейского судьи), статьях 204 и 204.1 УК РФ о коммерческом подкупе и посредничестве в его осуществлении, ст. 286 УК РФ о превышении должностных полномочий, статьях 290, 291 и 291.1 УК РФ о взяточничестве и посредничестве в нём. Считаем, что в этом случае необоснованно стираются грани между группой лиц и организованной группой, и не учитывается более высокая степень общественной опасности преступлений, совершаемых последней из них, при этом правоприменитель не заинтересован в детальном исследовании признаков, подтверждающих именно организованный характер криминальной деятельности, что также отрицательно сказывается на формировании общей статистической картины коррупционной преступности и полноты представления о величине ее организованной части.

Третий пример регламентации уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности, осуществляемые организованными группами, представляет собой закрепление в статье Особенной части УК РФ квалифицирующего признака в виде совершения деяния исключительно организованной группой при отсутствии в этой же статье менее строгой части, учитывающей в качестве квалифицирующего признака совершение деяния группой лиц по предварительному сго-

вору. Такой подход, например, имеет место в ст. 184 УК РФ об оказании противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса, в статьях 201.1 и 285.4 УК РФ о злоупотреблении (должностными) полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа. При применении таких уголовно-правовых норм действия участников группы лиц по предварительному сговору вынужденно приравниваются к единоличному совершению соответствующего преступления, за исключением учёта отягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ, заключающегося в совершении деяния в составе любой формы соучастия, в том числе организованной группы. Кроме того, создаются предпосылки для «искусственного доведения» группы лиц по предварительному сговору до организованной группы при доказывании и квалификации содеянного, а также для неполного отражения в статистической отчётности соотношения различных форм соучастия в совершении соответствующих преступлений коррупционной направленности.

Наконец, ещё одним примером отступления от предложенного нами в качестве оптимального подхода к дифференциации уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности, совершаемые организованными группами, является полное отсутствие в ряде статей Особенной части УК РФ, посвящённых противодействию таким посягательствам, указания на организованную группу или какую-либо иную форму соучастия, в частности, статьи 201 и 285 УК РФ о злоупотреблении (должностными) полномочиями. Фактическое совершение таких преступлений организованной или иной группой не отражается на квалификации содеянного, равно как и на дифференциации уголовной ответственности соучастников, а подлежит учёту только в качестве указанного выше отягчающего наказание обстоятельства.

Таким образом, в настоящее время отсутствует единый подход к регламентации и дифференциации уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности, совершаемые в соучастии, прежде всего, в составе организованной группы, что, на наш взгляд, негативно сказывается на эффективности противодействия таким уголовно наказуемым деяниям, в которых сочетаются черты коррупционного и организованного криминалитета, а также

на соблюдении принципа справедливости уголовной ответственности, предполагающего учёт возрастающей общественной опасности групповых преступлений, особенно при осуществлении таковых устойчивыми преступными объединениями, заранее планируемыми нарушения уголовного закона, и на формировании статистической отчётности, отражающей организованную часть рассматриваемых преступлений. Автором предлагается использовать единый подход к дифференциации уголовной ответственности за коррупционные преступления, которым свойственно их совершение в соучастии, согласно которому в соответствующих статьях Особенной части УК РФ разделяется совершение деяния группой лиц по предварительному сговору (квалифицирующий признак) и организованной группой (особо квалифицирующий признак). Самостоятельного обсуждения также требует вопрос о введении в отдельные статьи Особенной части УК РФ ещё одного особо квалифицирующего признака состава преступления в виде совершения деяния преступным сообществом (преступной организацией). С учётом целей, преследуемых таким сообществом (прямое или косвенное получение финансовой или иной материальной выгоды), данный признак весьма актуален для уголовно-правовых норм об ответственности за преступления коррупционной направленности.

Библиография

1. Артелло К. Как тайное становится явным: выявление коррупции в государственной сфере / К. Артелло, Д.С. Албаниз // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. – № 4. – С. 852-869. – DOI 10.21202/1993-047X.14.2020.4.852-869. – EDN NCCWUX.
2. Возжеников А.В. Национальная безопасность в современных условиях наблюдения в России (теория и политика): дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / А.В. Возжеников. Москва, 2002. – 391 с. ЭДН ЩУП.

3. Гуров М.П. Коррупция в современной России как угроза безопасности государства: история и современность / М.П. Гуров, А.И. Примакин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011, – № 4. С. 109-115.
4. Зимин В.В. Имплементация международных антикоррупционных стандартов, касающихся уголовной юрисдикции, в российское законодательство // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. – № 3(136). С. 150-159. – DOI 10.17803/1994-1471.2022.136.3.150-159. – EDN EPADSQ.
5. Иншаков С.М. Методологические основы теории национальной безопасности / М.: Руснаука, 2022. – 278 с.
6. Краснова К.А. О разрушительном влиянии коррупции на экономический рост / К.А. Краснова, П.В. Никонов // Вестник Юридического института МИИТ. 2020, – № 4(32). С. 72-78.
7. Правовые основы противодействия коррупции: международные и национальные стандарты и инициативы: монография в 2 т. / под общ. ред. Т. Я. Хабриевой, Р.А. Курбанова. Т. 1. М.: Проспект, 2019. – 528 с.
8. Прокументов Л.М. Коррупционные риски: классификация, оценка и меры, направленные на их предотвращение / Л.М. Прокументов, М.Е. Добрусина, Н.Г. Набева // Вестник Томского государственного университета. 201., – № 445. С. 210-216. – DOI 10.17223/15617793/445/32. – EDN XMBRIJ.
9. Решняк М.Г. Коррупция в сфере деятельности коммерческих и иных организаций: современные проблемы уголовно-правового противодействия // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, – № 5. С. 600-610. DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(5).600-610. – EDN RHZFWP
10. Шишкарев С.Н. Правовой порядок в сфере противодействия коррупции: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Москва, 2010. – 53 с.
11. Решняк М.Г. Коррупционные преступления: взгляд через призму социальных последствий в сфере осуществления прав и свобод человека и гражданина // Безопасность бизнеса. 2022, – № 1. С. 56-64. – DOI 10.18572/2072-3644-2022-1-56-64. – EDN FTGQR.
12. Решняк М.Г. Преступления коррупционной направленности: к вопросу о расширении объекта // Современное право. 2022, – № 8. С. 78-82. – DOI 10.25799/NI.2022.71.39.014. – EDN CUJGUU.
13. Решняк М.Г. Коррупция в вооружённых силах РФ: взгляд через призму национальной безопасности // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2022. – № 7-8(198-199). С. 48-52. – DOI 10.54449/20739532_2022_7-8_48. – EDN ISYXZC.
14. Решняк М.Г. Хищения чужого имущества, совершаемые с использованием служебного положения, как преступления коррупционной направленности // Безопасность бизнеса. 2021, – № 2. С. 52-58. – DOI 10.18572/2072-3644-2021-2-52-58. – EDN BIQIVW.

RESHNYAK M.G. ON THE ISSUE OF A UNIFIED APPROACH TO THE DIFFERENTIATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR CORRUPTION-RELATED CRIMES COMMITTED BY ORGANIZED GROUPS

Reshnyak Maria Genrikhovna – candidate of law, associate professor of department of criminal law, criminal process and forensics Faculty of International Law MGIMO-University of the MFA of Russia. E-mail: irbis-7375@yandex.ru

Abstract. The article examines the actual problem of establishing and implementing criminal liability for corruption-related crimes committed by an organized group through the prism of the current anti-corruption legislation. Referring to criminal and other legislation, the works of famous scientists, the author focuses on the lack of a unified approach to the regulation of criminal liability for organized forms of corruption crimes, formulates conclusions and proposals for improving criminal legislation in this area and the practice of its application.

Key words: corruption, corruption-related crimes, anti-corruption, organized crime, organized group.